

Темная комната была небольшой, размером с обычную комнату, с несколькими полками у стены и циновкой из плетеной травы посередине.

Хьюга Такая взял с полки продолговатую коробку.

Коробка была длиной менее метра и шириной в две ладони. Она была безупречно чистой, что указывало на то, что ее часто протирали.

Хьюга Такая, держа коробку обеими руками, поставил ее перед Хаято и сказал:

— Открой.

— Эм...

Хаято колебался около 0,1 секунды — а вдруг оттуда выскочит страшная кукла или пружинный кулак?

Он бросил взгляд на дядю, чье лицо было серьезным. Он сидел на коленях. Однако, обычно шутник Хьюга Такая, когда не шутил, всегда был серьезен. Никогда нельзя было угадать, когда он вдруг отпустит неудачную шутку, превращая себя в посмешище, чтобы рассмешить других.

После 0,1 секунды колебаний, еще через 0,1 секунды внутренней борьбы, Хаято решил открыть коробку.

Даже если это был розыгрыш, Хаято решил открыть коробку, сдерживая слезы. В конце концов, одно дело — быть смешным или нет, а другое — вообще не иметь возможности выйти на сцену. Разве это не печально?

Как и в случае с одной начинающей писательницей, «Его Величество, Потерявшийся», ее книга, возможно, и не была шедевром, но почему «Лимонный Соус с Клѐцками» пожертвовал ей 100 монет? То ли это был проблеск человечности, то ли у него дома был свой рудник, то ли он просто дважды дернул рукой... Но это было первое жертвоприношение для новой книги, которое придало «Бактерии, Потерявшей Путь» сил, словно подарив сцену, возможно, несмешному комику.

Хаято решил быть очаровательным, как «Лимонный Соус с Клѐцками».

На 0,3 секунде он дрожащей рукой открыл коробку.

— Ого! ~~~

Внутри лежали короткий меч и свиток.

Длина короткого меча составляла около пятидесяти сантиметров, с черной рукоятью и ножнами, с гардой в форме папайи из бронзы. Он спокойно лежал в коробке, излучая необычную красоту.

Хаято не удержался и взял короткий меч. Он был неожиданно тяжелым, совсем не таким, каким должен быть короткий меч.

Он сжал рукоять и слегка потянул — лезвие бесшумно выскользнуло из ножен. Одностороннее лезвие было сверкающим, с черными волнистыми линиями, слегка изогнутыми, с прямым скошенным острием.

Хаято почувствовал, как будто на него обрушилась волна остроты, словно мечник напротив выпустил мощную ауру своего клинка. Он инстинктивно дернул головой, чтобы уклониться от несуществующего удара.

В этот момент Хаято подумал об одном слове: «острота».

Это длилось недолго, аура клинка исчезла так же быстро, как и появилась, словно ее и не было.

«Должно быть, мне показалось», — подумал Хаято.

Хьюга Такая смотрел на него с полуулыбкой, подтверждая, что с психикой у Хаято все в порядке.

Тогда...

Он снова посмотрел на лезвие — оно все так же сверкало, волнистые линии были все так же отчетливы, но как ни крути, это было просто красивое оружие.

Неужели это и есть легендарное сокровище, скрывающее свою истинную сущность?

— Дядя, это... — начал Хаято.

— Это меч твоего отца — Амекири, — со вздохом сказал Хьюга Такая. — После твоего рождения он был переименован в Шишимару и предназначался для тебя. Сегодня ты официально стал ниндзя, и я передаю его тебе от имени твоего отца. Надеюсь, ты будешь им дорожить.

— О, отец... Это хороший меч, — Хаято испытывал сложные чувства к своим приемным родителям, чувствуя благодарность и вину одновременно. Поэтому он мог только сменить тему, похвалив Шишимару.

Хаято владел только основами фехтования, и этот меч в его руках был подобен жемчужине, брошенной в грязь.

— Легенда гласит, что у предка клана Хьюга, Ооцуцуки Хамуры, был обоюдоострый меч под названием Фуцу но Митама, — продолжил Хьюга Такая. — Позже Фуцу но Митама сломался пополам. Короткая часть была переплавлена в Шишимару, а длинная — в Чидори.

Согласно легенде, Фуцу но Митама был мечом бога грома Такэмикадзуты, наполненный энергией молнии.

Хотя Шишимару был малоизвестен, его родной брат-близнец Чидори пользовался огромной славой.

Чидори был мечом Второго Хокаге, Сендзю Тобирама, и неизвестно, сколько крови сильных мира сего он пролил.

— А?! — Хаято был потрясен.

Это известие было ошеломляющим.

Видя потрясенное лицо Хаято, Хьюга Такая слегка помолчал, а затем рассмеялся:

— Но, на мой взгляд, это всего лишь слухи. Независимо от того, правда это или нет, Шишимару — это определенно божественное оружие по своей твердости и остроте. Он может сравниться даже с Кусанаги.

По легенде, существовало одиннадцать мечей Кусанаги. Три из них появились в Конохе: меч Кусанаги но Цуруги, принадлежащий Орочимару, меч Амэ но Муракумо но Цуруги, принадлежащий Учиха Саске, и меч Тотоцука но Цуруги, принадлежащий Учиха Итачи.

С точки зрения Хаято, Фуцу но Митама не только сломался на две части, но и его функции разделились. Шишимару унаследовал физические свойства, остроту и твердость, в то время как Чидори унаследовал особые способности, наполненность энергией молнии, но его лезвие было обычным, и в итоге он снова был сломан.

Хьюга Такая направил Чакру в Шишимару, лезвие засияло слабым светом Чакры. Одним взмахом он отсек толстый угол стола.

— При переплавке в Шишимару был добавлен металл, проводящий Чакру, что сделало его еще более подходящим для ниндзя, — сказал он.

Хаято с уважением принял Шишимару обеими руками.

Пусть он и не будет им пользоваться, но кто откажется от лишнего божественного оружия?

Короткий меч был Шишимару, но что насчет свитка?

Техника владения мечом?

Секретная техника Хьюга?

Или какая-то другая продвинутая техника?

Хаято невольно сглотнул, предвкушение нарастало.

Хьюга Такая развернул свиток.

Судя по узорам, это был свиток запечатывания.

Бам!

Из свитка выпала куча других свитков, сложенных пирамидой, на вершине которой лежала небольшая книжечка.

— Что это за свитки? Почему их так много? — не удержавшись, спросил Хаято. На первый взгляд, их было около пятидесяти.

— Сам посмотри, все это твое, — сказал Хьюга Такая.

Хаято взял наугад один из свитков и развернул его.

Судя по руническим символам, это был контракт на призыв.

— Контракт, контракт, и снова контракт... О, да это же призыв оружия! — Хаято сглотнул, не веря своим глазам. — Неужели все это...

— Верно, это все свитки призыва. Испугался? Ха-ха, я тоже так отреагировал, — сказал Хьюга

Такая.

Он открыл книжечку и сказал:

— Это исследовательские материалы твоей матери по технике призыва, содержащие информацию обо всех призываемых существах и предметах. Изучи их на досуге.

Передав книжечку Хаято, Хьюга Такая продолжил:

— Но помни, что техника призыва — это всего лишь вспомогательное средство для ниндзя. Не пытайся объять необъятное и не зацкливайся на ней.

— Хорошо, — кивнул Хаято и спросил: — Откуда взялись все эти свитки призыва?

Хаято начал подозревать, что Хьюга Такая перенес сюда всю сокровищницу клана Хьюга.

— Некоторые из них передавались по наследству в семье твоей матери, некоторые были собраны твоими родителями во время их путешествий по миру шиноби. Некоторые из них не имеют особой ценности и хранятся как память. Сам разберешься. И еще раз повторю: используй то, что у тебя есть, но никогда не полагайся на это всецело, — сказал Хьюга Такая.

Мать Хаято звали Хьюга Мисуми. Он не знал ее девичьей фамилии, но она определенно происходила из семьи ниндзя, причем из клана, специализирующегося на технике призыва.

Однако Хьюга Такая предпочитал не распространяться о личности матери Хаято, и Хаято подозревал, что его мать, возможно, была родом из другой деревни шиноби.

— Ладно, посмотри все сам и выбери то, что тебе нужно. Я пойду, — сказал Хьюга Такая, глядя на Хаято, который чуть ли не упал на грудь свитков, и улыбнулся. «Такуя, Мисуми... Хаято вырос и стал прекрасным ниндзя. Вы бы им гордились, если бы были здесь, в Чистой Земле. Как бы мне хотелось, чтобы вы... были живы», — подумал он.

Хаято провел в темной комнате целый час. Когда он вышел, Хьюга Кейко как раз накрывала на стол для позднего ужина. Хаято был тронут, но в то же время не мог сдержать смеха — ведь они только что поужинали.

Хьюга Такая и Токума болтали в гостиной, а Хаято сидел рядом, по большей части слушая и изредка задавая вопросы.

Хьюга Такая был высокопоставленным членом клана Хьюга, а Хьюга Токума служил в разведывательном отряде — и отец, и сын были людьми мира. Даже их непринужденная беседа оказалась для Хаято очень полезной, и он почувствовал, что «один разговор с мудрым

человеком ценнее десяти лет учения по книгам».

<http://tl.rulate.ru/book/114069/4400518>